

И. А. Лобакова

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВАХ И ИХ КОРРЕКЦИИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЕМ В ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Уже довольно долгое время с завидным постоянством разрабатывается проблема диалогичности культуры в синхроническом и диахроническом аспектах (писатель и современный ему читатель или читатель другой эпохи; художник и его зритель-современник или потомок мастера; писатель и художник / иллюстратор разного времени). Рассуждения о диалоге как основной форме организации взаимодействия в сфере культуры интересны, но нельзя оставить в стороне некоторую условность подобной коммуникации. Она всегда определяется личностным восприятием предложенного текста читателем, которое зависит от широты индивидуального набора представлений и глубины уровня знаний этого самого читателя. Кроме того, не лишне напомнить слова М. Л. Гаспарова, не вполне разделявшего мнения исследователей об универсальности категории диалога в культуре: «Книги отвечают нам не на те вопросы, которые задавал себе писатель, а на те, которые в состоянии задать себе мы сами, а это часто очень разные вещи»¹.

В древнерусском историописании, как традиционно отмечают исследователи, сведения о произошедших событиях излагаются без отчетливо выраженного проявления личностных оценок составителями произведений, без сознательного вымысла как художественного приема и с учетом принципов изложения, получивших у Д. С. Лихачева определение «лите-

DOI: 10.31860/978-5-00227-374-4-164-173

¹ *Гаспаров М. Л.* Филология как нравственность // *Гаспаров М. Л. Записки и выписки.* М., 2001. С. 99.

ратурного этикета», который состоит из этикета миропорядка (т. е. как должно происходить событие); этикета поведения (как должны вести себя участники событий) и этикета словесного (определение темой рассказа тех средств, которыми следует описывать то или иное событие)¹.

Разумеется, исторические произведения не являются беспристрастной фиксацией событий современниками. Княжеские и митрополичьи, они отражают взгляды определенного круга людей на события, и эти взгляды могли с течением времени корректироваться позднейшими редакторами. Сведения, включенные в различные памятники, представляют результат их оценки составителями и редакторами, вводят нас в мир их представлений о фактах, событиях, лицах, о причинно-следственных связях случившегося, о том, что им виделось злом или благом.

Менялись ли те средства, которые позволяли летописцам выразить свое отношение к материалу? Как они могли скорректировать читательское восприятие материала, переписанного из предшествовавшего источника или написанного ими заново на основе прежних сведений?

Стоит отметить некоторые приемы, дававшие возможность прояснить позицию составителя и способствовать формированию ожидаемого представления о произошедшем или об историческом лице у его современников. Некоторые из этих приемов являются общими для исторических источников раннего времени, но в XVII в. они проявляются с большей очевидностью.

Самым распространенным и архаичным является прямое выражение своего отношения составителем произведения. Так, например, в «Новой повести о преславном Российском царстве», созданной в традиции агитационной грамоты в

¹ См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 344–370.

феврале — начале марта 1611 г. (до начала Московского восстания 19 марта), читаем:

Станем подражать и подивимся тому великому нашему граду Смоленску, его обороне от Запада, как в нем наша же братия, православные христиане, в осаде сидят и великие всякие страдания и притеснения терпят, но стоят крепко за православную веру, и за святые Божии церкви, за свои души, и за всех за нас, а общему нашему супостату и врагу — королю — не покорятся и не сдадутся¹.

Как видим, все участники получают характеристики, включающие их двоякое истолкование: с одной стороны — защитники Смоленска, сражающиеся в осажденном городе, терпящие все лишения осады и не думающие о его сдаче; с другой, — общий для всех враг и злодей польский король и его сторонники. Важно, что в этом произведении дана одна из наиболее близких по времени оценка «семибоярщине»: «А те, прежде названные его (польского короля Сигизмунда и его сына Владислава. — *И. Л.*) доброхоты, а наши злодеи — об их именах нет здесь речи — растлились умами своими и захотели соблазнам мира сего служить и в великой славе быть, а иные, нелюди, — не по своему достоинству сана почетного достичь»².

Второй прием является также прямым описанием действия, но получившим сакральное подтверждение верности прочтения. В Сказании Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря, куда, спасаясь от врагов, сбежались люди со всех окрестностей, читаем:

¹ Новая повесть о преславном Российском царстве / подгот. текста, пер и коммент. Н. Ф. Дробленковой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 14: Конец XVI — начало XVII века. С. 152 (цит. по пер.).

² Там же. С. 157. «Семибоярщиной» традиционно именуют время правления после свержения в июле 1610 г. царя Василия Шуйского членов Боярской думы князей: Ф. И. Мстиславского, И. М. Воротынского, А. В. Трубецкого, А. В. Голицына, Б. М. Лыкова и бояр И. Н. Романова и Ф. И. Шереметева.

И такая теснота была в обители, что места не было свободного. Многие люди и скотина остались без крова; и тащили лишившиеся крова всякое дерево и камень для устройства прибежищ, потому что осени настало время, и приближалась зима. И друг друга отталкивали от вещи брошенной, и из нужного ничего не имея, все изнемогали. И жены рожали детей перед всеми людьми, и невозможно было никому со своей срамотою нигде укрыться. И всякое богатство не береглось и ворами не кралось, и всякий смерти просил со слезами. И если бы кто и каменное сердце имел, и тот, видя эти тесноту и напасти, расплакался бы, ибо исполнилось для нас сказанное пророком слово: «Праздники ваши светлые обращу в плач и сетование, а веселие ваше — в рыдание»¹ (Ср.: Ам. 8: 5. — *И. Л.*).

Третьим приемом является предложенное автором текста восстановление истинного смысла, которое основано на игре слов. В рассматриваемом памятнике это сделано с большим мастерством. Так, одним из примеров применения в тексте подобного приема являются рассуждения о Федоре Андронове, купце-кожевнике, пожалованном чином думного дворянина за услуги, оказанные Сигизмунду, и получившем в свое ведение казну. Для этого исторического персонажа, прославившегося воровством, вымогательством и непомерной жадностью, создается своего рода портрет-оценка, в которой противопоставлены значения слов «внешних» и отражающих истинную суть личности:

Его же, окаянного и треклятого, за его злые дела следует называть его не именем Стратилата, а именем Пилата, во имя земледдца, не по имени святителя, но по имени мучителя, и гонителя, и разорителя, и губителя веры христианской. И по известному его прозвищу также недостойно его так называть во имя святого, а от названия людского нужного прохода — Афедронов².

¹ Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря / подгот. текста Е. И. Ванеевой, пер. и коммент. Г. М. Прохорова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14: Конец XVI — начало XVII века. С. 251 (цит. по пер.).

² Там же. С. 175. Для понимания обличительного пафоса этого отрывка следует учесть, что Федор Андронов был назван честь св. Феодора Стра-

Этот же прием применяется при характеристике дорвавшихся до власти бояр: «А сами наши земледержцы и правители (ныне же, как я уже прежде сказал, — землесьедцы и кривители), те словно ослепли или онемели!»¹

Еще один традиционный прием — включение библейских образов и параллелей — позволяет читателю соотнести происходящее с вечной основой человеческой истории — Библией — и дает возможность в заданной парадигме соотнести место события среди других, исключив неверное истолкование создаваемого сюжета. В Смутное время наиболее распространенными стали эсхатологические образы и мотивы. Так, например, в «Плаче о пленении и конечном разорении Московского государства», который датируется довольно широко: от 1612 до 1620–1630-х гг., эти образы пронизывают все произведение:

Как не ужаснись, как твоему, Христос, не удивлюсь долготерпению?! О христоименный род (именующий себя христианами. — *И. Л.*)! Как лист и цвет уже опалый, горькой всемирной жертвы принявший чашу неразбавленного праведного гнева! Увы!.. Явился предтеча богоборного Антихриста, сын тьмы, родич погибели из чина иноческого и дьяконского (Гришка Отрепьев. — *И. Л.*). И вначале светлый ангельский чин отринул и отторгнул себя от участи христианской, как Иуда из пречистого сонма апостольского <...>. Жители же <...> соблазнились суетной мыслью и обезумели умом, и малодушием перевязались, и как истинного царя приняли его, и подняли меч против братьев своих <...>. И как реки, пролилась с обеих сторон христианская кровь, — грехов ради наших разлился Божий превеликий гнев, его же праведным судам сопротивление невозможно...²

тилата. Его «прозвание» (то, что мы посчитали бы фамилией) Андронов произошло от имени Андрон, возможно, от св. Андрона (Андроника) Звездочета, чья память приходится на 25 октября.

¹ Там же. С. 177.

² Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства / подгот. текста, пер. и коммент. С. К. Росовецкого // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14: Конец XVI — начало XVII века. С. 187 (цит. по пер.).

В XVII в. используется еще один прием, который дает возможность передать сомнения или неуверенность повествователя в причинах событий или поступков исторических лиц. Однако само включение существующих слухов в текст может быть расценено как осторожная попытка сохранить в памяти потомков возможность неоднозначности толкования и оценки происшествий. Так, например, в Новом летописце 1630-х гг. и в Летописном своде 1652 г. о причине смерти двадцатитрехлетнего полководца князя М. В. Скопина-Шуйского сообщается в сходных выражениях. В Новом летописце читаем: «Мнози же на Москве говоряху то, что испортила ево тетка ево княгиня Катерина князь Дмитриева Шуйскова. А подлинно то? Единому Богу сведущу, ни един же обретеса истинный свидетель»¹. В Летописном своде 1652 г. эпизод имеет несколько иной вид: «И мнози глаголют, егда был на пиру у князь Ивана Воротынского, тогда будто даде ему отравное зелие тетка его, Малютина дочь Скуратова, князь Дмитриева жена Шуйского за похвалу. Но о сем единому Богу сведущу...»²

Как особый прием, позволяющий убедить читателя в точности изложения, как представляется, можно назвать «мнимое простодушие», когда явленное чудо описывается как один из вариантов возможного толкования, что лишь подтверждает истинность этого чуда. Наиболее широко известный эпизод, где проявился этот прием, связан с Житием протопopa Аввакума, когда автор описывает явившегося к нему в темницу сквозь затворы «не то ангела, не то человека», принесшего ему щи. В исторических памятниках этот прием также используется. Во время обороны Троице-Сергиевой обители, сообщает Авраамий Палицын:

¹ РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1408. Л. 297.

² Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 14. Первая половина: 1. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Иоанновича всяя Руссии. 2. Новый летописец. С. 96–97.

<...> бывшие на стенах крепости люди, не имея возможности стоять, прятались за стены: ибо из рвов и из углублений в промежутки между зубцами были прицелены пищали. И так люди стояли, не отступая, ожидая приступа, и ради того одного и крепились. А кто был в башнях у пушек, те терпели великую тяготу и мучения от стрельбы, ибо стены городские тряслись, камни рассыпались и все жестоко страдали. Но удивительно при этом все Богом устраивалось: во время стрельб все видели, как плинфы рассыпались и бойницы и стены сотрясались, ибо стрельба велась с утра и до самого вечера по одной цели, но стены все оставались нерушимыми. Враги об этом часто сообщали, говоря: «При стрельбе мы всегда видим огонь, исходящий от стен, и удивляемся тому, что искры сыплются не от камня, а от глины»¹.

Это чудо непробиваемых стен, их колебания, но нерушимости отмечается автором на протяжении всего текста Сказания об обстрелах монастыря.

Еще один прием, который может быть использован для корректировки читательского восприятия — прием уподобления. При этом важно подчеркнуть, что данный прием как напрямую соотносит героя по каким-либо качествам с другими (двумя или более) персонажами, так и может внести поправку, неожиданно меняющую первоначально возникшую оценку персонажа. Этот прием — один из наиболее устойчивых в средневековых текстах (например, достаточно вспомнить цепочку уподоблений библейским героям Иосифу Прекрасному, Соломону, Самсону князя Александра Невского в его житии)². Сравнение персонажа, решившегося на убийство родственника (свойственника) со Святополком вполне ожидаемо для средневекового читателя. В Псковской первой ле-

¹ Сказание Авраамия Палицына... С. 259 (цит. по пер.).

² См. обобщающую работу: *Василик В. В.* Библейские архетипы св. Александра Невского в его житии // Девятнадцатый Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культура в православии, социогуманитарном познании. Материалы международной научно-практической конференции: Сб. статей. Челябинск, 2021. С. 222–231.

тописи по списку князя М. А. Оболенского, где читаются прибавления XVII в., составитель, сетуя на происки дьявола, толкающего на убийство «власти ради», сравнивает Бориса Годунова со Святополком Окаянным. Сатана к царевичу «подведе лукавую лису, некоего новаго Святополка — Бориса»¹. Однако далее добавляется комментарий, который неожиданно проявляет отношение к отцу царевича Дмитрия — Ивану Грозному: «Богу тако изволившу попустити на отмщение отцу их, еже той сотвори много убийство без правды братии своей и дяди»². Сейчас не останавливаемся на вопросе, был ли царевич убит в Угличе, или, как свидетельствуют материалы Распросного дела, что более вероятно, случайно упал во время игры с ребятами в ножички, нанеся себе смертельную рану в припадке падучей. Важно, что гибель мальчика оказывается в глазах создателя текста воздаянием за многочисленные беспричинные убийства, совершенные царем Иваном. Однако далее образный ряд возвращает нас к традиционной оппозиции мученик / мучитель: «И грех ради наших поядает волк Христова непорочная овчата единого по единому царей тех. Преже беззлюбиваго яко агныца закалат царевича Димитрия, егоже последи Господь Бог прослави в чудесех; потом же и царя благочестиваго напояет злым зелием и ко Господу той отиде с миром»³. Злодей — это и лиса, и волк, а его жертвы — агнцы, ягнята, царские дети: Димитрий и царь Федор Иванович. В этом списке Псковской летописи Борис Годунов одновременно предстает и как орудие дьявола, и как орудие божественного возмездия, а Иван Грозный назван причиной гибели собственной династии.

В русле рассуждений об уподоблениях можно указать интересный случай, который свидетельствует о мнимой похвале адресату. Так, в Хронографе в редакции 1617 г. читаем похвалу царице Ирине Федоровне Годуновой, жене царя Федо-

¹ Насонов А. Н. Псковские летописи. М., 1941. Вып. 1. С. 123.

² Там же.

³ Там же.

ра Ивановича: «Ему же честная и предобрая бысть супруга, царица и великая княгиня Ирина <...> иже всеми благонравными добротами точна бысть и тезобытна (подобна. — *И. Л.*) Евдокие, царице и супруге Феодосия, юнаго царя греческаго»¹. На первый взгляд, уподобление лестное. Афинянка Евдокия (401–460) в 421 г. стала женой известного своим вниманием к церковным проблемам, книгам и благочестию императора Феодосия II Малого Каллиграфа по выбору его старшей сестры и регентши Пульхерии. Известно, что Евдокия родила двух дочерей, с 443 г. находилась в Иерусалиме в опале, где занималась строительством школ, больниц и храмов, восстановила стену древнего города. Была автором поэмы «Гомероцентон», в которой изложила строками гомеровской «Илиады» Книгу Бытия и жизнь Христа². Впрочем, русскому читателю эти факты были неизвестны, так как сюжет, связанный с императрицей Евдокией был знаком по переводным Хроникам Георгия Амартола и Иоанна Малалы, откуда он попал в XVI в. в состав Русского Хронографа. В этих памятниках отдается дань ее красоте: согласно Хроникам, она обладала «все превосходящей женской прелестью» и поражала «светоносным даром лица ее». Ирина, как и Евдокия, была ровесницей мужу, матерью дочери (Феодосия Федоровна, родившаяся после семнадцати лет брака, умерла, не дожив до трех лет), участвовала в дипломатических переговорах. Однако на Руси византийскую императрицу знали как поплатившуюся за свой обман и за это изгнанную императором женщину. Она передала подаренное ей Феодосием яблоко советнику Павлину, который в свою очередь преподнес его императору. Спрошенная о яблоке, Евдокия сказала, что его съела, после чего советник был казнен, а она отправилась в

¹ БАН. Архангельское собр. С. № 139. Л. 423 об.

² См. о ней: *Александрова Т. Л.* Византийская императрица Афинаида-Евдокия. Жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401–450). СПб., 2022.

изгнание¹. Поэтому сравнение царицы Ирины с Евдокией на фоне настойчивых попыток антигодуновской партии отправить жену Федора в монастырь заметно теряет лестную коннотацию.

В завершение этих кратких заметок, подчеркнем, что подобных приемов при дальнейшей работе с историческими источниками может быть обнаружено и больше. Они использовались составителями для того, чтобы у читателя не возникало сомнений относительно истинного замысла в оценках событий и исторических персонажей. Отмеченные приемы помогают более точно понять отношение создателей исторических сочинений к событиям и героям, о которых они писали.

¹ Из «Хроники Константина Манассии» / подгот. Текста М. А. Салминой, пер. и коммент. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9: Конец XV — первая половина XVI в. С. 134.